

УДК 930:94(3)"19/20"

**РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ АНТИКОВЕДЕНИИ
(опыт историографического обзора)**

А.В. Ашаева, Е.А. Чиглинцев

Аннотация

В статье представлены теоретико-методологические основы современных исследований рецепции античности как межкультурной коммуникации и базирующиеся на них модели рецепции и междисциплинарные исследовательские практики.

Ключевые слова: рецепция античности, рецептивная эстетика, историография, культурная история, антиковедение, межкультурная коммуникация, модели рецепции, междисциплинарные исследования.

Термин «рецепция» встречается в различных областях современной науки – от физиологии до астрологии, от теории информационных систем до теории культуры. В последнем случае, при расширенном толковании культуры, понятие рецепции присутствует во всем полидисциплинарном пространстве гуманитарного знания последних десятилетий и имеет своим содержанием восприятие, заимствование и приспособление каким-либо обществом социальных и культурных форм, возникших в другой социокультурной среде (другая страна, другой исторический период).

Созданием современной теории рецепции мы обязаны Констанцскому университету (Германия), где сформировалась междисциплинарная группа по изучению рецептивной эстетики (*die Rezeptionsästhetik*; англоязычные авторы в качестве аналога используют *the Poetics of Reception*). Основы этой теории были изложены в 1967 г. в инаугурационной лекции Ханса (или Ганса) Роберта Яусса при вступлении на кафедру в университете Констанца. Это выступление обозначило новое направление в структуралистском понимании текста: главной становится идея диахронии как динамичного взаимодействия эпох прошлого и настоящего посредством диалога между читателем и автором, что концептуализировалось во введенном Х.Р. Яуссом понятии «горизонт читательских ожиданий». В представлении Х.Р. Яусса, «первое знакомство с неизвестным произведением требует неких предшествующих знаний, которые сами есть часть опыта и которые создают контекст для нового читательского опыта» [1, с. 194]. Развивая идею Х.Г. Гадамера о необходимости исследовать окружающую читателя обстановку, Х.Р. Яусс предлагает «читательские ожидания» определить в рамках эстетического переживания, выражающегося в опыте эстетического восприятия,

который предполагается всегда при истолковании текста в процессе рецепции [1, с. 195]. «Для каждого произведения читательские ожидания складываются в момент появления произведения из предыдущего понимания жанра, из форм и тематики уже известных произведений, из контраста между поэтическим и повседневным языком» [1, с. 193]. Этим перемещением внимания от автора текста и, в некоторой степени, от смысла к его пониманию и интерпретации во времени и пространстве, что в конечном итоге демонстрирует эстетический опыт читателя, определяется и предмет дальнейшего исследования рецепции, а именно – выявление того, что классический текст означал для первоначальной аудитории и для последующих реципиентов. При этом изыскания В. Изера (одного из ведущих исследователей констанцской школы) в области актуализации скрытых изначально, но проявляющихся в процессе чтения возможностей текста выступают дополнением к пониманию функций рецептивной эстетики во взаимодействии текста и читателя. «Текст ограничивает то, что в нем может подразумеваться, чтобы эти подразумеваемые значения не становились слишком размытыми... но в то же время эти значения, обработанные читательским воображением, составляют фон для восприятия описываемой ситуации» [2, с. 204]. Читатель делает текст многогранным, и, в зависимости от времени, места, конкретных условий, глубины познаний и прочих обстоятельств социокультурной ситуации, формирующей эстетический опыт читателя, эти грани обнаруживают себя в различных проявлениях динамического взаимодействия с текстом.

Новые теоретические построения не могли не заинтересовать антиковедов как представителей комплекса гуманитарных дисциплин, базирующихся главным образом на работе с текстом, тем более что примерами взаимодействия с античным наследием полна вся европейская культура, а междисциплинарное поле гуманитарных наук неоднократно демонстрировало попытки осмыслить и обобщить этот опыт (см., например, [3, с. 8–13]).

В последнее десятилетие исследование рецепции античности стало одним из самых востребованных направлений в мировом антиковедении. Наиболее разнообразно ее изучение представлено в рамках англо-американских *Classical studies* и *Culture studies*. Исследовательские практики в области рецепции античности настолько различны и по предмету, и по методам изучения, что потребовалось даже создать специальную площадку для их комплексного обсуждения. Такой площадкой стал журнал “*Classical Receptions Journal*”, который с 2009 г. издается в Оксфорде. Вдохновителем и идеологом этого издания стала Лорна Хардвик, профессор-антиковед Открытого университета Британии, по замыслу которой журнал должен охватывать «все аспекты рецепции текстов и материальной культуры Греции и Рима, как в античности, так и в последующем» [4, р. 1], а в культурно-историческом аспекте он «должен отражать не только активную работу филологов-классиков и историков античности, но также перспективы тех, кто работает с греческим и римским материалом с точки зрения других исследовательских областей», а также и тех, кто выступает как «культурный посредник» между античным наследием и современностью или просто читатель, слушатель и зритель [5, р. 2].

Появлению периодического издания предшествовала большая работа по консолидации исследователей проблем рецепции античного наследия, по обсуждению

важнейших теоретических вопросов рецепции античности. Этому и были посвящены две коллективные монографии, изданные в Оксфорде в 2006 и 2008 гг., которые представлены в этом обзоре (см. [6, 7]).

Главная методологическая проблема для исследователей рецепции античности на основании теории рецептивной эстетики – совершенно новый взгляд на отношения античности и современности. Ч. Мартиндейл, профессор Бристольского университета, прямо говорит о том, что рецепция может бросить вызов традиционным представлениям о «классике», которые, по его мнению, до сих пор базируются на позитивистском подходе [8, р. 2]. Он полагает, что яуссовская модель «избегает ошибок формализма, где уделялось недостаточное внимание социологии и историчности литературы, с одной стороны, и марксизма с его мрачным историческим детерминизмом, с другой стороны» [8, р. 3], таким образом, являясь той моделью, которая не сводится к грубому презентизму и вульгарному историзму (см. [8, р. 5]). Исследователи, работающие с яуссовской моделью, включают в *Classical studies* не только темпорально ограниченные и общепринятые явления, относящиеся к истории Древней Греции и Древнего Рима, но также «стиль поэмы “Потерянный рай”, или мифологическую поэтику Тициана, или фильм “Гладиатор”, или иконографию фашизма» [8, р. 2]. Возникает понятие вторичного источника. Для *Reception studies* понятие вторичности более чем условно и подразумевает, скорее, форму обозначения их отличия от источников непосредственно античных. При этом именно вторичные источники становятся основными для исследователей рецепции. По словам Джеймса Портера, профессора Мичиганского университета, например, «многочисленные (античные. – А.А., Е.Ч.) тексты дошли до нас благодаря эпитоматорам, составителям антологий и комментаторам, которые давали этим текстам выжить, хотя часто только в виде фрагментов и цитат. Но и они, как часть того непрерывного разговора, который прошел через античность и пришел в сегодняшний день, должны быть признаны не только интересными, но и достойными серьезного изучения, не менее чем драгоценные первичные тексты» [9, р. 473].

Под вторичным источником исследователи также понимают и возникший в век научно-технической революции и развития массовых коммуникаций новый источник – фильм. Интересное предложение выдвигают лектор Ливерпульского университета Джоанна Пол и профессор Калифорнийского университета Сан-Диего Марианна Макдоналд. Их статьи посвящены рассмотрению исторических фильмов как полноценных источников по рецепции, а также использованию фильмов в подготовке специалистов по античности. М. Макдоналд в центр своего исследования ставит использование античного мифа в кинематографии. «Фильм напоминает миф тем, что получает доступ к подсознанию» [10, р. 328], – пишет она, и в изучении античного мифа «современный миф», который представляет собой фильм, может приблизить студентов к осознанию того, насколько понятие античного мифа искажено временем [10, р. 340]. Дж. Пол, рассуждая об использовании фильмов в учебном процессе, говорит о разделении фильмов: одни из них могут служить иллюстративным материалом, а другие непосредственно объектом исследования [11, р. 304]; основным вопросом в ее статье выступает вопрос о кинематографической трактовке античности в массовой культуре.

Еще одной интересной проблемой, касающейся вторичных источников, представляется роль искусства в изучении классики. В своей статье Саймон Голдхилл, профессор Кембриджского университета, рассматривает отношение художника к древности, изображение этой древности и восприятие произведения в разные эпохи и разных местах. По мнению С. Голдхилла, в искусствоведении теория рецептивной эстетики непопулярна, и потому искусство играет недостаточную роль в изучении античности (см. [12]).

Одной из основных теоретических проблем в адаптации теории рецепции к традиционным исследованиям «классики» становится определение самих Classical studies. По мнению Дж. Портера, на месте иллюзии того, что времена меняются, а античность – нет, создается противоположная иллюзия (или это факт? – задает он, как мы понимаем, риторический вопрос), что античность меняется все время, от поколения к поколению, от ученого к ученому (см. [9, p. 470–471]). И действительно, само отношение к античности, а соответственно, и к исследованиям «классики», претерпевает постоянные изменения. Интересна в этом плане статья лектора Лондонского университета Эдит Хелл, которая отражает отношение общества к античности и изучению ее наследия. «Изучение древнегреческого и латинского языков всегда являлось эксклюзивной практикой, используемой для определения принадлежности к элите... Однако изучение греческой и римской античности претерпело переворот после Второй мировой войны, и в частности с 1960-х годов. Как результат, сейчас это менее элитарно, чем в любое другое время» [13, p. 386–387]. Переход определенного рубежа, до которого античность изучалась в строго регламентированных рамках сложившейся дисциплины, опиравшейся на такие методы и подходы, которые не учитывали понятия субъективности, допустимости, индивидуальности, а также активное привлечение методов других дисциплин позволили антиковедам расширить границы исследований, включив в образ античности и окружающую их реальность, через которую они ее рассматривают (см. [9, p. 474]).

Таким образом, яуссовская модель, которая «признает историчность текстов, но также допускает эстетический ответ читателей в настоящем» [8, p. 3], предполагает, что в основе Reception studies лежит непрерывный диалог культур прошлого и настоящего. В статье, посвященной диалогической концепции М.М. Бахтина, преподаватель греческой литературы в британском университете Экзетера Тим Уитмарш утверждает следующее: «Если мы признаем, что любое высказывание (будь то древнего автора или любого из его последующих интерпретаторов, в том числе современных ученых) – это попытка общения в рамках заданного “горизонта ожидания”, тогда исторический контекст, как современный, так и античный, становится неотъемлемой частью собственно коммуникативного действия» [14, p. 108–109]¹. При этом, по словам Ч. Мартиндейла, который является одним из активных сторонников яуссовской модели рецепции в современной исторической науке, «текст понимается по-разному в разных

¹ А согласно герменевтике Х.Г. Гадамера, во взаимодействии читателя с текстом главным механизмом восприятия становится язык (см. [15, p. 49]). Поэтому даже в случаях, когда люди воспитаны в различных традициях, принадлежат к исторически иным мирам, они выражают свой человеческий мир, «то есть мир, имеющий языковую природу. В качестве такого любой “мир” способен к познанию иного, а значит, и к расширению своего собственного образа мира; он, соответственно, доступен и для других миров» [16, с. 517].

ситуациях» [8, р. 4]. Ему вторит коллега, профессор античной литературы и теории критики Бристольского университета Дункан Кеннеди: «Текст преобразован в процессе рецепции, которая и репрезентирует его: теперь текст из прошлого переделан в текст из настоящего» [17, р. 289].

Наиболее явно это просматривается в художественной литературе и поэзии. Писатели последующих эпох «открывают» в текстах античных авторов определенные контексты, отражающие современные им тенденции. И эти «открытия» меняются от эпохи к эпохе. К примеру, обращение к поэзии Вергилия в викторианскую эпоху и в XX в., исследованное в статье профессора классических языков и литературы Оксфордского университета Стивена Харрисона, демонстрирует то, как тексты «Энеиды» и «Эклог» по-разному осмысливаются поэтами разных эпох и как эти тексты, в зависимости от социокультурной ситуации, были либо источником вдохновения для поэтов меланхолической тенденции викторианской эпохи, либо направляли творчество политизированных поэтов начала XX в.; а по тому, что отбиралось для комментариев или для включения в последующие поэтические тексты, можно сделать вывод, «что преемники поэзии, часто сами поэты, это лучшие и самые проникательные читатели» [18, р. 126].

Межкультурная коммуникация, предполагающая не только диалог между античностью и современностью, но и осмысление этого взаимодействия в межкультурном и интертекстуальном пространстве, значительно расширяет границы Reception studies и позволяет включать в них не только общепринятые географические, временные и прочие модели рецепции, касающиеся лишь европейской культурной традиции, но и новые модели рецепции античности, например, восточную и колониальную/постколониальную.

Обращение восточных и бывших колониальных стран (например, страны Карибского бассейна или Юга Африки) к западной античности и рецепция классической европейской античности в качестве элемента в собственной культурной традиции определяют специфику восприятия и позволяют выделить данные модели рецепции в качестве показателя актуальности и степени осознания греко-римской античности как общемирового культурного наследия. В статье о постановке комедии Аристофана в Израиле старший преподаватель и заведующий отделом исследований театра в университете Тель-Авива Нурит Яри высказывает такое мнение относительно использования классического наследия в политических целях своей страны: «греческая комедия представлялась как часть культурного дискурса, фокусирующегося на надежде на мир» [19, р. 289]. В обзоре обращений к комедии Аристофана «Лисистрата», которая с 1958 года регулярно ставится на театральных сценах в Израиле, автор приводит слова первого премьер-министра Израиля Давида Бен Гуриона, который написал в гостевой книге тель-авивского театра «Габима» следующее: «Хотя Лисистрата и гречанка, она несет в себе мечты пророков Израиля. Это связь между Иерусалимом и Афинами» [19, р. 289]. Первостепенный для этой комедии социально-политический контекст получает свое новое воплощение в период апогея израильско-палестинского конфликта в 2002 г. Рассматривая воплощение комедии «The War Over Home», в основе которой лежат сразу три аристофановских сюжета, отражающих сложность ситуации [19, р. 290], автор статьи характеризует ее как «адаптацию и постановку, следующую аристофановской стратегии –

объединение фантастической интриги с современным анализом общества и политики в ответ на ситуацию израильско-палестинского конфликта в 2002 году» [19, р. 289]. Следовательно, рецепция античности обнаруживает свою актуальность в переломный момент для израильского общества. Таким образом, данная модель демонстрирует включение представлений, сложившихся об античности (в частности, об Аристофане как авторе и конкретных его комедиях) в классической западной традиции, в иной исторический контекст (в данном случае – восточная страна и восточный военный конфликт). При этом обращение к античности определяется именно социокультурной обстановкой и предполагает новое осмысление классического сюжета.

Несколько иной вариант рецепции античности рассматривается Ахмедом Этманом, профессором античности и сравнительного литературоведения Каирского университета, в статье о переводе как о пересечении арабской и античной традиции. В его понимании именно перевод становится основным инструментом рецепции античности на Востоке. Традиции перевода античного наследия на арабский язык восходят к VIII в., когда были переведены многие античные труды, преимущественно политической и философской направленности. Далее всплеск интереса наблюдается во время так называемого арабского Ренессанса XIX века, когда многие арабы, получив образование в европейских университетах, по прибытии на родину занялись переводом произведений античных авторов с европейских языков для приобщения восточных народов к классике. Главная специфическая черта этой рецепции – цельность восприятия: воспринимаются и репрезентируются не отдельные элементы античности, а мифология как система мировоззрения, выраженная в поэзии и драме. Основания для этого коренятся в восточной традиции, отличной от западной и имеющей свою историю, а также во влиянии религиозного фактора, который устанавливал границы развития восточной культуры. Отсюда и главное препятствие, которым «в переводе гомеровского эпоса была мифология. У арабов миф не имеет существенной функции. В Греции же практически невозможно отделить миф от поэзии» [20, р. 145–146]. В древнегреческой мифологии «люди ведут себя как боги, боги как люди» [20, р. 146], что в арабском исламском понимании просто невозможно. Если принять во внимание и то, что «у них были поэтические традиции еще доисламского периода» [20, р. 145], сочетание всех этих факторов делало древнегреческую мифическую поэзию, как и драму, неизвестной для арабов до начала XX в. Именно тогда в Каирском университете открылось отделение исследований античности, поскольку сами арабы осознали, «что они не смогут понять своего национального наследия без греческих и латинских источников» [20, р. 142].

Таким образом, модель рецепции античности на Востоке, представленная автором статьи, показывает восприятие западной античной традиции в условиях существования сложившейся собственной культурной традиции, детерминированной религией и историческим опытом. Посредством перевода арабы включили в свою культурную традицию только ту часть классического наследия, которая наиболее явно соответствовала детерминантам их культурных представлений. Обращение к так называемым «вторичным» источникам, то есть европейским переводам античных авторов, а также использование художественных произведений на античную тематику из европейского Возрождения и классицизма

позволяют обозначить данную модель рецепции как диалог, не только вмещающий в себя взаимодействие восточной традиции с западной античностью, но и включающий в собственный культурный контекст разнообразные представления об античности, которые сложились в иной социокультурной среде с иными целями обращения к античному наследию.

Как видим, восточная модель рецепции в Средиземноморье и прилегающих территориях выглядит достаточно органично, в том числе, на наш взгляд, и за счет достаточно длительной межцивилизационной и межкультурной коммуникации Запада и Востока. Однако в XX в. мы наблюдаем и более экзотические варианты рецепции античности, в частности, включение в диалог с античным наследием стран Юга Африки или Карибского бассейна. Обращение к античности в колониальных странах чаще всего мотивировалось потребностями политической борьбы, необходимостью как можно более ярко выразить идею деколонизации, которую трудно было продемонстрировать путем простой актуализации собственного культурного наследия. В статье об использовании античных риторических образцов первым премьер-министром Тринидада и Тобаго Эриком Уильямсом для публичного общения с массами лектор старейшего в Шотландии Сент-Эндрюсского университета Эмили Гринвуд проводит аналогию «между демагогической риторикой Уильямса и стратегиями политиков во времена Афинской демократии» [21, р. 98]. Афины Перикла, в речах Уильямса, должны стать образцом управления страной после обретения независимости. Но парадокс заключался в том, что аргументы из античности Уильямс пытался предоставить массовой аудитории, которая просто не обладала необходимыми для понимания знаниями. Поэтому, чтобы преуспеть в своей пропаганде, Уильямсу пришлось отчасти пожертвовать использованием классических примеров в угоду популистской риторике, основанной на местной культуре (см. [21, р. 106–107, 110–111]). Будучи англичанином, получившим классическое европейское образование, Уильямс стал именно тем посредником в культурном диалоге между европейской традицией осмысления античности и собственно колониальной культурой.

Стилизация, художественная имитация или даже упрощение, необходимое для включения античного наследия в культурные практики стран, темпорально, географически и цивилизационно удаленных от греко-римской античности, предполагают, с одной стороны, наличие «культурных посредников», а с другой – создание новой культурной традиции в этих уже постколониальных странах, где греко-римская античность становится доминирующей частью культурно-исторической практики. Это подтверждает статья исследователя африканского происхождения Бетайн ван Зил Смит о рецепции греческой драмы в Южной Африке в конце XX – начале XXI в. Античная драма была ввезена в страну во время колониальной власти, и изначально театральные постановки осуществлялись на английском языке, будучи адресованными лишь колониальной элите. Перевод классических текстов на местный язык в начале XX в. стал поворотным моментом в рецепции античной драмы. Таким образом, «рецепция классической греческой драмы в Южной Африке содержит смешение античных, колониальных и местных традиций в разной мере и в разное время» [22, р. 384]. При этом языковое разнообразие (использование в постановке драмы европейских и местных языков), а также этническое многообразие актеров не только отражают реальность,

но и вызывают «уверенность художников в постколониальной Южной Африке, что их собственное творение и культура имеют равную силу с великими культурами прошлого в мультикультурном синкретизме, где местные драматурги интегрируют в свой собственный материал классическую драму, создавая межкультурную и кросскультурную деятельность» [22, р. 376].

Об этом же речь идет в статье преподавателя латинского языка и литературы Фрайбургского университета (Швейцария) Хелен Кауфманн, посвященной анализу образа Елены в поэме лауреата Нобелевской премии Д. Уолкотта «Омерос». Прототипом героини явилась Елена Троянская. Но в поэме обнаруживается три различных интерпретации образа Елены, каждая из которых делает Елену олицетворением острова Сент-Люсия, где разворачивается основное действие поэмы, но при этом и Елена, и олицетворяемый ею остров становятся «частью западной истории, литературы и культуры» [23, р. 203]. Идея деколонизации здесь заложена в объединении античности и локальной культурной традиции, что «предполагает своеобразную “карибеанизацию” (caribbeanization) западной культуры...». Автор статьи находит даже созвучие названия поэмы «Омерос» с некоторыми словами креольского языка [23, р. 193]. Основным же показателем межкультурного диалога выступает сам образ Елены как результат рецепции образа Елены Троянской.

Применение теории рецептивной эстетики к античному материалу в современных исследованиях вполне сочетается и с новейшими методами и подходами, популярными в гуманитарных науках, такими, например, как психоанализ или гендерные исследования. Ванда Зайко, лектор Бристольского университета, использует психоанализ в отношении известного античного сюжета прощания Гектора и Андромахи. По ее мнению, психоанализ дает возможность изучить и «меняющиеся риторические позиции и стили», демонстрирующие психическую неустойчивость в отношениях двух героев, и «идентификацию позиции читателя» в отношении определенного текста (см. [24, р. 88]).

Распространенный ныне гендерный подход формирует даже определенную модель рецепции античности – феминистскую. Центральными в подобных исследованиях становятся вопросы о понимании «гендерного» в разные эпохи, а также о прочтении и интерпретации текстов с позиций поиска «гендерного» в их содержании. При этом в качестве такого текста выступает любой, даже многократно исследованный с традиционных позиций. Упомянутая уже Ванда Зайко обратила внимание на пример подхода именно с феминистских позиций к поэме Гомера «Одиссея»: «В последние несколько десятилетий XX века феминистски инспирированные исследования были озабочены... рассмотрением того, какую роль может играть гендер в интерпретации. Для некоторых критиков это была большая жизненность женских персонажей, которые привели их к рассмотрению “Одиссеи” в качестве “женского текста”; для других критиков это был акцент на таких качествах ума, как хитрость и сообразительность в противовес физической доблести, что и определило ее (поэмы. – А.А., Е.Ч.) гендерную идентичность» [25, р. 197]. Учитывая, что в теоретических вопросах гендерного подхода и феминистской модели в применении к античному наследию до сих пор не найдено конвенционального единства, эффективность этих исследовательских инструментов продолжает обсуждаться: «Только тогда, когда феминистская теория

и практика способны отразить собственный “горизонт”, герменевтический феминизм может быть эффективен» [26, р. 56].

Итак, представленные теоретические позиции, обозначившиеся в изучении рецепции античности в современном зарубежном антиковедении, позволяют увидеть, какими путями античное наследие входит в общемировой культурный контекст последующих эпох, и констатировать, что изучение социокультурной рецепции античности возможно лишь в рамках междисциплинарных исследований.

Summary

A.V. Ashaeva, E.A. Chiglintsev. The Reception of Antiquity: Current Research Trends in Modern Foreign Classical Studies (An Attempt at Historiographical Review).

In this paper, we present theoretical and methodological bases of the present-day studies of the antiquity reception as an intercultural communication. We also consider the reception models and interdisciplinary research practices based on these studies.

Key words: reception of antiquity, aesthetics of reception, historiography, cultural history, Classical Studies, intercultural communication, models of reception, interdisciplinary studies.

Литература

1. *Яусс Г.П.* История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 192–200.
2. *Изер В.* Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 201–224.
3. *Чиглинецев Е.А.* Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 290 с.
4. *Hardwick L.* Editorial // *Class. Recept. J.* – 2009. – V. 1, No 1. – P. 1–3.
5. *Hardwick L.* Editorial // *Class. Recept. J.* – 2010. – V. 2, No 1. – P. 1–3.
6. *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – 335 p.
7. *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – 538 p.
8. *Martindale Ch.* Introduction: Thinking Through Reception // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 1–13.
9. *Porter J.I.* Reception Studies: Future Prospects // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 469–481.
10. *McDonald M.* A New Hope: Film as a Teaching Tool for the Classics // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 327–341.
11. *Paul J.* Working with Film: Theories and Methodologies // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 303–314.
12. *Goldhill S.* The Touch of Sappho // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 250–273.
13. *Hall E.* Putting the Class into Classical Reception // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 386–397.
14. *Whitmarsh T.* True Histories Lucian, Bakhtin, and the Pragmatics of Reception // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 104–115.

15. *Haynes K.* Text, Theory, and Reception // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 44–54.
16. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
17. *Kennedy D.F.* Afterword: The Uses of “Reception” // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 288–293.
18. *Harrison S.* Virgilian Contexts // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 113–126.
19. *Yaari N.* Aristophanes between Israelis and Palestinians // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 287–300.
20. *Etman A.* Translation at the Intersection of Traditions: The Arab Reception of the Classics // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 141–152.
21. *Greenwood E.* Between Colonialism and Independence: Eric Williams and the Uses of Classics in Trinidad in the 1950s and 1960s // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 98–112.
22. *van Zyl Smit B.* Multicultural Reception: Greek Drama in South Africa in the Late Twentieth and Early Twenty-first Centuries // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 373–385.
23. *Kaufmann H.* Decolonizing the Postcolonial Colonizers: Helen in Derek Walcott’s *Omeros* // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 192–203.
24. *Zajko V.* Hector and Andromache: Identification and Appropriation // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 80–91.
25. *Zajko V.* ‘What Difference Was Made?’: Feminist Models of Reception // *A companion to classical reception* / Ed. by L. Hardwick, C. Stray. – Oxford: Blackwell Pub., 2008. – P. 195–206.
26. *Liveley G.* Surfing the Third Wave? Postfeminism and the Hermeneutics of Reception // *Classics and the Uses of Reception* / Ed. by Ch. Martindale, R.F. Thomas. – Oxford: Blackwell Pub., 2006. – P. 55–66.

Поступила в редакцию
15.11.11

Ашаева Анастасия Владимировна – студент Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

Чиглинец Евгений Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Evgueni.Tchiglintsev@ksu.ru